

А. Г. Мец
Взгляд
на «Стихи о неизвестном солдате» и «Стихи о Сталине»
Осипа Мандельштама

Настоящие заметки обусловлены желанием сформулировать свою точку зрения на содержание двух названных в заглавии стихотворений в аспекте тех диаметрально противоположных истолкований, которые они получили в мемуарах Н. Я. Мандельштам и работе М. Л. Гаспарова¹, при этом рассматриваем те или иные аргументы выборочно. Мы обсуждаем эти стихотворения в том порядке, как это сделано в работе второго автора, несмотря на то, что «Стихи о Сталине» были написаны раньше.

I

Не апокалипсис и не агитка
(«Стихи о неизвестном солдате»)

Целесообразно вначале отметить те моменты, которые отдаленно коррелируют с новозаветным Апокалипсисом. Это моменты христианской символики, и прежде всего – зачин, первая строка которого, «Этот воздух пусть будет свидетелем» – несколько перефразированная клятва «Бог свидетель» (ср. у Некрасова в «Современной оде»: «И, беру небеса во свидетели»). Рассказ о зримом в ст-нии ведется от первого лица, и в Апокалипсисе также каждый отдел начинается словами «И увидел я». Далее в 1-й главке ст-ния названы «судья и свидетель» – возможно, с аллюзией на Всевышнего. В 1-й редакции ст-ния дважды упоминается «зренье пророка», и есть некоторые основания, по мемуарам Н. М., предполагать, что под «пророком» О. М. подразумевал себя.

¹ У Н. Мандельштам это «Воспоминания» (1970) и «Вторая книга» (1971), где названным стихотворениям посвящены отдельные главы, а также множество отдельных замечаний. Первое стихотворение комментируется также в ее работе: Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам Н. Я. Собр. соч. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 796–807. Для краткости мы будем использовать для стихотворений «домашние» названия Мандельштамов – «Солдат» (в книге Гаспарова глава об этом ст-нии названа в подзаголовке «Апокалипсис и/или агитка») и «Ода». Ссылки на работы М. Гаспарова приводятся по книге: О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. М., 1996 (сокращенно: МЛГ 1996). Ссылки на тексты стихотворений, другие редакции, комментарии приводятся по изд.: Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем. Т. 1. Изд. 3-е. СПб.: Интернет-издание, 2020 (сокращенно: ПССиП 2020). Размещено на сайте Ruthenia.ru в разделе «Препринты», ссылка: <http://www.ruthenia.ru/document/533237.html>). Ссылки на текст первого стихотворения (с. 203–206 указ. изд.) приводятся в скобках в тексте статьи только с указанием номера главки стихотворения или страницы, так же приводятся ссылки на его другие редакции (с. 456–461) только с указанием номера редакции стихотворения или страницы. Далее мы используем также сокращения: ст-ние (для слова «стихотворение»), О. М. (Осип Мандельштам), Н. М. (Надежда Мандельштам).

Фундаментальные отличия в том, что в «Солдате» нет праведников и грешников – человечество представлено как безликая масса, вкуче называемая «океан без окна, вещество» (в главке 1), «гурьба и гурт» (в главке 7). И нет речи о какой-либо вине, каком-либо наказании.

Поклявшись правдиво рассказать о том, что видит, поэт начинает полет над землей². Рисуется картина могил с крестами, обитаемых землянок и, как символ, над «знаменитой могилой», памятник Неизвестному солдату. Нет, однако, ни военной техники – орудий, танков, аэропланов, ни каких-либо признаков идущих сражений. Далее первая тема – последствий войны – перебивается и чередуется с темой звезд и космического пространства. После четырех первых строк – отступление «о звездах», глядящих вниз «в осуждение судьбы и свидетеля» – два этих образа до сих пор не находят удовлетворительного истолкования. Вслед за этим обсуждаются звезды, созвездия как средоточие или местопребывание теней неких земных городов и некогда сказанных слов.

Темы космоса, луча света была начата в главке, стоявшей третьей, но не вошедшей в основной текст нашего издания (отражена в разделе «Другие редакции»):

Сквозь эфир десятично-означенный
Свет размотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный³
Светлой болью и молью полей.

И за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлём,
Весть летит светопыльной обновой,
И от битвы вчерашней светло.

Весть летит светопыльной обновой:
– Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не Битва Народов, я новое,
От меня будет свету светло.

(ред. 4. ПССиП 2020. С. 458–459)

² К мотиву «полета» в «Солдате»: автор книги в комментарии, наряду с толкованием лексики, неоднократно прибегает к изложению всего текста или его части в литературно-художественном ключе, и здесь дважды вводит образ «неизвестного пилота», который может быть понят только лишь как автор стихов (с. 38 и 40). Для примера приводим весь соответствующий текст со стр. 38: «Пусть природа засвидетельствует бедствия людей. Им нет конца: памятник их – Могила неизвестного солдата на земле и *неизвестного пилота* в небе. Слова поэта мечутся под этим небом над могилами, где мглил ядовитый газ. Война угрожает земле гибелью с неба. Мой взгляд летит в будущее и видит там те же битвы. Но они новые, они несут неведомо откуда светлую весть: не может быть, чтобы миллионы погибали ни за что, чтобы лишь для этого развивалась вся мировая культура! Погибающие пехотинцы и выживающие калеки верят в будущее» (кавычки автора, курсив наш).

³ В этом слове из цитаты в книге М. Л. Гаспарова, по сравнению с архивным источником текста, имеется ошибка – «опрозрач~~ен~~ный».

В ней поэт предпринимает, подобно духу Люмену в астрономической фантазии Камилла Фламариона «По волнам бесконечности» (по-видимому, О. М. прочитал или перечитал ее в Воронеже или в тамбовском санатории, где провел около недели в начале 1936 г.)⁴, летит сквозь эфир, несомый лучом света; видит (в обратном порядке) сражения времен Наполеоновских войн и «новую весть», от которой «будет свету светло»⁵. В черновике было еще одно четверостишие, отражающее тему, но до сих пор встречающее непреодолимое затруднение в истолковании:

Необутая, светоголовая⁶,
Удаляющаяся за обзор
Мякоть света бескровно-кленовая
Хочет всем рассказать свой позор.⁷

Автор книги, М. Л. Гаспаров, сопоставляет процитированную главку «Солдата» (по тексту книги – «III отрывок» или «3-я главка») со «светлой вестью» финала Апокалипсиса Нового Завета и без всяких доводов утверждает их функциональное тождество⁸, что вызывает вопросы.

Тема луча, света оказалась настолько плодотворной, что вышла за рамки «Солдата» и разрабатывалась в следующих воронежских стихах: «Может быть, это точка безумия...» и «О, как же я хочу».

В главке 7 (по тексту книги) находим еще одно отступление к свету и звездам с неясным смыслом:

Ясность ясенева, зоркость яворова
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Как бы обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.

Далее в той же главке идет важное с точки зрения «гражданской позиции» О. М. заявление:

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный –
Эта слава другим не в пример.
И сознание свое затоваривая

⁴ Книга в русских переводах дважды издавалась в России в 1890-е гг. Связь стихотворения с этим произведением Фламариона обнаружил Омри Ронен: *Ронен О.* К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» // *Slavica Hierosolymitana*. 1979. Vol. 4. С. 214–222 (перепеч.: Слово и судьба. М., 1991. С. 428–436).

⁵ Цитаты – из ред. 4 (ПССиП 2020. С. 459).

⁶ В книге М. Л. Гаспарова, по сравнению с архивным источником текста, ошибка в чтении этого слова, – «светЛоголовая».

⁷ Из ред. 5 (ПССиП 2020. С. 460).

⁸ МЛГ 1996. С. 14.

Полуобморочным бытием,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

В последних 4-х стихах цитированной главки дается прямая и не допускающая, с нашей точки зрения, двойных толкований характеристика той политической реальности, в которой находится и которую переживает поэт, она заключается в словах и выражениях: «полуобморочное бытие», «варево», «свою голову ем под огнем». Но у автора книжки в главе «Гражданская тема»⁹, аккумулирующей его аргументы, процитированные нами места вовсе не комментируются, отрывочный и, с нашей точки зрения невразумительный, комментарий («самоубийство разума») дается только на с. 41.

Ранее на с. 14 автор книги предлагает рассмотреть заключительную строфу ст-ния:

Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом...
– Я рожден в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья, с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем.

Уже вначале, еще не излагая свои доводы, автор безапелляционно утверждает ничтожность точки зрения своих предшественников: «Со 2 на 3 января 1891 г. – это, действительно, реальная дата рождения Мандельштама, она придает концовке особую знаменательность. Но что за сцена, что за переключка изображается здесь? *Здесь обычно начинается обман зрения – результат ложной апперцепции.* Мы знаем: Мандельштам дважды арестовывался, был в ссылке и погиб в концлагере. Естественно, что нам прежде всего кажется: это переключка заключенных на этапе или в тюрьме. Именно так понимают эту сцену решительно все, писавшие о «Неизвестном солдате», начиная с вдовы поэта. <...> *Тем не менее, это понимание неправильно*»¹⁰. Процитированный фрагмент полностью подтверждает реальность тех опасений, о которых автор говорил в

⁹ Там же. С. 14–16.

¹⁰ Там же. С. 14. Курсив наш.

«Предисловии»: «Я заранее принимаю упреки в том, что я упрощаю, примитивизирую и стихотворение и поэта»¹¹, – и действительно, профанация налицо.

Вслед за тем М. Л. Гаспаров, стремясь подкрепить аргументом свою мысль, обращается к черновику 5-й редакции (по счету автора книги – 6-я редакция¹²) и цитирует впоследствии отброшенный поэтом на определенном этапе отрывок (именно отрывок, а не полностью финал этой редакции, который мы приводим сразу же вслед). Заявляя при этом, что упомянутый отрывок является «концовкой» ст-ния («Стихотворение, начинающееся космической мистерией, *кончается* гражданским актом: [следует цитата]»¹³), он внушает читателю иллюзию оптимистического финала:

Но окончилась та переключка
И пропала, как весть без вестей,
И по выбору совести личной <,>
По указу великих смертей <,>
Я – дичок <,> испугавшийся света,
Становлюсь рядовым той страны,
У которой попросят совета
Все кто жить и воскреснуть должны <,>
И союза ее гражданином
Становлюсь на призыв и учет
И вселенной ее семьянином
Всяк живущий меня назовет...
(ред. 5¹⁴)

Далее в ред. 5 следует:

Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать, холодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.
Неподкупное небо окопное, –
Небо крупных оптовых смертей –
За тобой, от тебя<,> целокупное<,>
Я губами несусь в темноте, –

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Там же. С. 41–43.

¹³ Там же. С. 15. Курсив наш. Цитируемая строфа имела только в одной редакции, автор же, используя множественное число, пишет о ее наличии в нескольких редакциях: «В *предпоследних* редакциях <...>» (Там же. С. 14. Курсив наш). Помимо этого, упущены из вида две ранние редакции, сохранившиеся в архивных планах (ПССиП 2020. С. 598), с еще одной концовкой ст-ния (строфой, начинавшейся: «Хорошо умирает пехота...»).

¹⁴ ПССиП 2020. С. 461.

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил –
Развороченных – пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил...¹⁵

Вот эта строфа и явилась финалом ст-ния в 5-й редакции.

Цитируя строфу «Но окончилась та перекличка...» и обсуждая ее содержание на с. 14–15, автор даже не упоминает о концовке ст-ния в данной редакции и не оповещает читателя о ее существовании. Эту редакцию, вместе с концовкой, автор дает, да и то всего лишь в схематическом виде, только на с. 46, в далеком отрыве от анализа текста. Такой монтаж в подаче материала вряд ли может считаться корректным.

Приступая к анализу вышеупомянутого черновика, автор книги пишет о начальном 12-строчном фрагменте «Но окончилась та перекличка...» следующее: «...из них [слов поэта] *было ясно*: это перекличка не в лагере, а на воинском призыве, не среди отвергнутых государством, а среди призываемых государством, это не отречение от советского режима, а его приятие»¹⁶.

Автор ограничился только констатацией, и приходится считать, что «ясность» здесь не является самоочевидной, но внесена автором в текст книги как плод собственного интуитивного постижения, представление же поэта о характере «переклички» остается, как раньше и считалось, по крайней мере дискуссионным. При этом было бы не так лучезарно, как рисует автор книги о желании О. М. «стать рядовым... страны Советов, гражданином союза», если бы он дал себе труд внятно объяснить, почему «выбор совести личной» парадоксально диктуется «указом великих смертей». Поэт пишет о бушующем вокруг свирепом терроре, а в книге читателя пытаются уверить, что речь идет о событиях двадцатилетней давности – нападении о жертвах Первой мировой войны.¹⁷ Очевидная параллель к «указу великих смертей» в «Стансах» (4–5 июля 1937 г.):

Необходимо сердцу биться –
Входить в поля, вращать в леса.
Вот «Правды» первая страница,
Вот с приговором полоса.

Центральный опорный пункт аргументации в книге М. Гаспарова: «Мандельштам называл себя наследником разночинцев и никогда не противопоставлял себя на-

¹⁵ ПССиП 2020. С. 461.

¹⁶ МЛГ 1996. С. 14–15.

¹⁷ М. Гаспаров пишет: «По приказу великих смертей» – их смерть была завещанием сверстникам (в том числе и Мандельштаму) бороться за то, чтобы эта трагедия [речь ведется о жертвах Первой мировой войне] не повторилась (МЛГ 1996. С. 15).

роду¹⁸. *А народ принимал режим и принимал Сталина*: кто по памяти о революции, кто под влиянием гипнотизирующей пропаганды, кто из оцепенелого долготерпения. Разночинская традиция не позволяла Мандельштаму думать, будто все идут не в ногу, а он один в ногу»¹⁹.

Всё же представляется, что дело выглядит совершенно иначе: О. М. шел в ногу с подавляющим большинством крестьянства, с немалой частью рабочих, с более чем миллионом политкаторжан, и с еще большим количеством административно-высланных, с Анной Ахматовой, Львом Гумилевым, Сергеем Клычковым, Борисом Кузиным, Николаем Клюевым, Львом Бруни и многими другими людьми из своего непосредственного окружения. О соответствующих настроениях в обществе можно судить по возникновению в 1930-е – начале 1950-х гг. подпольных молодежных антисталинских/антисоветских организаций.²⁰ Мандельштам, как и Ахматова, «был тогда со всем народом», где его «народ, к несчастью, был». То, как автор книги пишет об отношении народа к «режиму» и Сталину, свидетельствует о его глубокой изоляции от повседневности в зрелые годы.

Нам кажется, не найти лучшего свидетельства отношения О. М. к текущей действительности, чем строки из его последнего стихотворения:

Ах, я видеть не могу, не могу,
Берега серо-зеленые:
Словно ходят по лугу, по лугу
Косари умалишенные...
(«На откосы, Волга, хлынь...», 1937)

¹⁸ Автор вводит читателя в заблуждение, – О. М. противопоставлял себя народу в некоторые моменты биографии. Так, в 1917 и 1931 гг., упоминая о революционной массе: дважды в черновых набросках к ст-нию «За гремучую доблесть грядущих веков...»: «труда чернецы... шкодливые дети» (ПССиП 2020. С. 432), а также в ст-нии «Когда октябрьский нам готовил временщик...»: «злая чернь» (Там же. С. 268), и еще в ст-нии 1916 года «Обиженно уходят на холмы...», в котором гурт овец уравнивается с восставшим римским плебсом и назван «исчадьем ночи». Просчет автора книги мог быть обусловлен поверхностным характером знакомства с творческим наследием поэта.

¹⁹ МЛГ 1996. С. 18. Курсив наш.

²⁰ См.: Савенко Е. Н. «Власть и свободу всему народу»: история нелегальной молодежной организации <...> // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 57–61; Молодежное антисталинское сопротивление в СССР. = <https://vireo17.livejournal.com/160374.html>.

«ОДА»

Это стихотворение О. М. писал в основном в январе 1937 года. Он, разумеется, знал из периодики произведения ряда авторов того же жанра и содержания²¹ и пользовался уже апробированными темами и образами, как современными, так и историческими. Вот их совпадающие с «Одой» мотивы: отец, боец, народ, горы, грядущее, трибуна, план, шинель, площадь, море, солнце, плуг, улыбка, клятва, тайга, Ленин (список неполный). На фоне форсированного славословия в «Оде» заметны вкрапления лексики чужеродного по тональности характера, что неоднократно отмечалось в исследованиях и было при жизни поэта отмечено рецензентом «Оды» как элементы «косноязычия» (об этом, а также перечень соответствующей лексики см. ниже). Также исследователи и Н. М. обращали внимание еще на два места ст-ния, первое из которых причудливо дисгармонировало с основной темой ст-ния, второе – с общей направленностью сюжета. В зачине ст-ния поэт, намечая свою задачу, уподобляет себя художнику, готовящемуся создать портрет Сталина, пользуясь углем как красящим средством и воздухом как физической средой, будто бы удерживающей краску – идея, нужно признать, изощренно-фантастическая, а реализуется она в фиглярски-изобретательной манере. Сюда же примыкает подбор эпитетов с сомнительными коннотациями (гремучие, моложавое). Приведем относящиеся к этой теме места из 1-й, 2-й и 5-й строфы ст-ния.

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –

Для радости рисунка непреложной, –

Я б воздух расчертил на хитрые углы

И осторожно и тревожно.

<...>

Я б несколько гремучих линий взял,

Всё моложавое его тысячелетье

<...>

Сжимая уголек, в котором всё сошлось,

Рукою жадною одно лишь сходство клича,

Рукою хищною – ловить лишь сходства ось, –

Я уголь искрошу, ища его обличья.

Второе место – из последней строфы.

Уходят вдаль людских голов бугры:

²¹ Издавались также тематические сборники, например: Стихи и песни о Сталине. М., 1937. В него вошли стихи более 20 поэтов, в том числе: М. Бажана, С. Вургуна, Джамбула, А. Жарова, Н. Заболоцкого, А. Лахути, Г. и Т. Табидзе, А. Суркова, И. Фефера.

Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят.
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, как солнце светит.

Кроме того, к анализу «Оды» привлекались мотивы окружающих ее ст-ний того же периода, нередко весьма демонстративно совпадающие.

До выступления М. Л. Гаспарова все без исключения исследователи толковали «Оду» как произведение двупланное и/или двусмысленное. Гаспаров же высказал мнение о безусловной искренности «Оды» и чистосердечности в воплощении хвалебной темы, что сразу же приобрело характер сенсации. Его выступление вызвало несколько протестующих голосов, однако в связи с большим научным и общественным авторитетом ученого-античника и стиховеда дискуссия в то время не продолжилась, и вопрос до настоящего момента не закрыт.

План работы об «Оде», по нашему мнению, искусственно усложнен. После «Оды» полностью приводятся тексты стихов января–февраля 1937 г. с анализом их ритма и рифмы в сопоставлении с «Одой» (с. 81–87; заметим, что и вся глава названа скромно: «**“Ода” Сталину и ее метрическое сопровождение**»), при этом о семантике речь не ведется совершенно до с. 88, на одной которой и изложена квинтэссенция взгляда автора книги на «Оду» и решительная критика носителей еретических взглядов (Н. Мандельштам, Л. Кацис, П. Нерлер, И. Месс-Бейер). Затем совершается отход к частным вопросам комментария (подглавы «Пространство и время», «Суд и народ», «Творчество», «Портрет», «Пред-портрет и после-портрет», «Начало, промежуток, конец», «Текстологические замечания»). На с. 103–122 продолжена цитация ст-ний – февраля–апреля 1937 г. с локальными сопоставлениями. Специально отмечаем отсутствие в книге анализа ст-ний мая–июля 1937 г., важных для выяснения мировоззрения поэта на последнем жизненном этапе, особенно «На утесы, Волга, хлынь...» и «Стансов», процитированных нами выше.

Далее целесообразно критически осветить некоторые утверждения автора, отправляясь от цитаты: «А если “мир”, “люди”, которые хороши, “русская поэзия” едины в преклонении перед Сталиным, то слиться [ему, т. е. О. М.] с ними и в этом. Повторим: разночинская традиция Мандельштама не допускала мысли, что один поручик идет в ногу, а вся рота – не в ногу. Против этого подхода – *самого естественного для филолога*²², но нравственно неприятного для современного человека – обычно выдвигаются два других. Первое – это многочисленные попытки показать, что “Ода” на са-

²² Позволим себе усомниться в наличии связи, устанавливаемой автором книги, между «разночинской традицией» (якобы существовавшей и якобы ему известной) и любимым речением ротного командира, капитана Сливь. С другой стороны – в истинности утверждения о якобы «естественном для филолога» субстрате, лежащем в основе данного «подхода»

мом деле написана эзоповым языком и скрывает отрицательное, протестующее отношение Мандельштама к Сталину».²³

Вопроса об «эзоповом языке» в «Оде» мы не имеем возможности сейчас поднять в сколько-нибудь полном объеме ввиду большого числа как сочувственных, так и полемических рецепций этой темы исследователями, а также ее многоаспектности. Относительно полно введение в тему и попытка разработки представлена в работе Месс-Бейер²⁴. Приведу краткий перечень слов и выражений, привлекавшихся из «Оды» ею и другими исследователями как маркеры «эзопова языка»:

уголь, углы (строфа 1)
гремячие линии (строфа 2)
какого не скажу... близясь, к которому, к нему... (строфа 2)
мыслей недобор (строфа 3)
свесился (строфа 4)
бугры голов (строфы 4, 7)
обличье, картуз (строфа 5)
жнец рукопожатий (строфа 6)
Ворóчается счастье стержневое (строфа 6)

Представляется, что усилия, приложенные к разработке гипотезы наличия феномена «эзопова языка» в «Оде» не были потрачены впустую, они очертили круг лексики, вызывающей сомнения в искренности интенции автора прославить Сталина. Однако попытки увязать те или иные из этих слов и выражений с указанным феноменом не дали убедительных результатов, и представляется, что новые усилия в этом направлении также не будут успешными. Очевидная причина в том, что ко времени писания «Оды» мастерство цензоров и рецензентов в разоблачении подобного рода приемов достигло высокой степени совершенства, о чем можно судить хотя бы по рецензии М. С. Витенсона, который писал о «Путешествии в Армению»: «Критика должна учесть, что практикуемый некоторыми писателями (К. Вагинов, В. Шкловский, О. Мандельштам) метод художественной изоляции изображаемых событий, причем такой изоляции, которая состоит в отрыве части от целого, ведет к извращению действительности. Этот метод, наряду с тонко завуалированным “обобщением”, является новой

²³ МЛГ 1996. С. 88. Курсив наш. О глубокой ошибочности того, что «все люди [были]... едины в преклонении перед Сталиным» см. в концовке 1-й части нашей статьи.

²⁴ Месс-Бейер Ирина. Мандельштам и сталинская эпоха. Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов. Helsinki, 1997. Основоположителем темы (не включая «Оду») являлся, по-видимому, П. Зиман: Zeeman P. The Later Poetry of Osip Mandelstam: Text and Context. Amsterdam, 1988. Эзопов язык (по имени баснописца Эзопа) – тайнопись в литературе, иносказание, намеренно маскирующее мысль (идею) автора. Прибегает к системе «обманных средств»: традиционным иносказательным приемам (аллегория, ирония, перифраз, аллюзия). Одним из используемых приемов является антифразис – употребление слова в противоположном значении) – разновидность тропа, стилистический приём, заключающийся в употреблении слова или словосочетания в противоположном смысле, обычно ироническом. Антифразис обычно строится на контрасте формально одобрительного значения или похвалы употребляемого слова или выражения с порицающим или неодобрительным смыслом высказывания, например: Мы знаем: вечная любовь // Живет едва ли три недели.

тактикой классового врага в литературе»²⁵. Поэтому пользоваться ранее испытанными методами О. М. не мог. И в то же время настороженное ухо читателя позволяет различить в «Оде» фальшивые нотки, маркирующие «скрывает[мое] отрицательн[ое], протестующее отношение Мандельштама к Сталину» (повторяем цитату, приведенную выше).

С другой стороны, представляется, что поэт все же дал и ключ к своей интенции указать на двойственность содержания ст-ния. Предполагаем этот ключ в выражении «воробачается счастье стержневое». Поясним: в русском языке абстрактное существительное *счастье* никогда не встречается в сочетании с глаголом *воробачается* и/или эпитетом *стержневое*. Всё выражение не имеет под собой ни физического субстрата, ни мысленного объекта описания. Считаем, что сочетание этих слов в целом выражении не могло сложиться непреднамеренно, спонтанно. Полагаем, что поэт целенаправленно сконструировал фигуру абсурда, предназначая ее как «message» внимательному читателю. Кроме того, в отношении к «счастью», как кажется, выражение несет несколько иронический или даже издевательский оттенок. Способ близок тем приемам в жанре «нелепости» или «глупости», которого О. М. был прославленным мастером в шуточных стихотворениях.

Критикуя авторов, писавших о наличии элементов «эзопова языка» в «Оде» (см. выше), М. Гаспаров пишет: «...удивительно, как влиятельна типично советская привычка не читать, а вычитывать»²⁶. Лучшим возражением против этого может служить внутренняя рецензия П. Павленко для наркома Н. Ежова, опубликованная В. Шенталинским <...> «Советские ли это стихи? Да, конечно»²⁷.

Автор привел отзыв рецензента не полностью. Следовало продолжить: «Есть хорошие строки в “Стихах о Сталине”, стихотворении, проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных. В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем *много косноязычия*, что неуместно в теме о Сталине». Отметив «много косноязычие», рецензент обнаружил проницательность, тем самым указав на момент, перекликающийся с перечнем слов и выражений, отнесенных нами к маркерам «эзопова языка» (см. выше)²⁸.

Автор книги при обсуждении семантики привлекает понятия геометрии и пишет: «Таким образом, в «Оде» сперва утверждается вертикаль, затем вокруг расстила-

²⁵ «О “правде жизни”, о классовой борьбе в литературе и о задачах критики» (Звезда. 1934. № 2. С. 171).

²⁶ Фразеологизм «не читать, а вычитывать» (или же «читать, а не вычитывать») не зафиксирован в словарных источниках и Нац. корпусе рус. языка. Хотя смысл понятен, мыслимую автором «привычку» относить к «типично советской» нет никаких оснований. Ее, скорее всего, можно было бы отнести ко 2-й половине XIX в.

²⁷ МЛГ 1996. С. 88.

²⁸ См. также: Мец А. Г. Вокруг доноса // Он же. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб.: Гиперион. 2020. С. 347. Курсив наш.

ется плоскость. Именно такое пространство подсказывает образ “оси”, который будет так важен для Мандельштама». ²⁹ Попытка осмыслить содержание привлекаемых стихов таким способом представляется маловразумительной.

В ряде мест книги автор бегло касается текстологии. В одном из них он пишет: «Никаких следов деления на “тетради” [«Воронежские тетради»] (во всяком случае – вторую и третью) нет ни в ранних списках, ни в ранних альбомах». Автор ошибся – он, по-видимому, без должного внимания обследовал прижизненные (1937 – начала 1938 гг.) списки из собрания Б. И. Маршака (ныне в Принстонском архиве Мандельштама) ³⁰. Об авторском делении стихов 1935–1937 года на разделы («тетради») неопровержимо свидетельствует наличие в этом собрании списка стихов 1937 г. с нумерацией от № 2 («Солдат») до № 21, что соответствует «Третьей тетради». Номер первый в этом списке был, по-видимому, зарезервирован для «Оды».

Настоятельно требует оценки высказывание автора, начинающееся цитатой из стиха С. Шервинского: «Стих, рожден от правды вечной, Не открывшей мне лица» и продолжающееся с художественной пронизательностью: «“От правды вечной” *бессознательно* производил Мандельштам свои стихи о Сталине». ³¹ Вот это «бессознательно» в данном случае совершенно неприемлемо – в «Оде» поэт широко пользуется распространенными в те годы в литературе о Сталине клише.

Научная оснащенность аппарата книги – работы около 50 авторов. Лидером по количеству привлекаемых трудов неожиданно явился Л. Ф. Кацис (6 работ), а по числу ссылок он занимает 4-е место (15).

²⁹ МЛГ 1996. С. 91

³⁰ М. Л. Гаспаров ссылается на материалы этих списков на с. 27, 35, 39, 119 своей книги.

³¹ МЛГ 1996. С. 111. Курсив наш.